

Война 1812 г. вызвала эвакуацию большинства кредитных учреждений и их персонала, привела к разрушению зданий, потере движимого и недвижимого имущества. Несмотря на военную разруху, приказы быстро возобновили свою деятельность и вскоре стали вполне успешно вести свои операции. Восстановление работы банков потребовало несколько большего времени. Денежное обращение, подорванное выпуском фальшивых бумажных денег и постоянными военными расходами, потребовало проведения денежной и финансовой реформ.

В. Н. Земцов

Отечественная война 1812 г.: 200 лет поиска истины

Предлагается концептуальный очерк историографии Отечественной войны 1812 г. за 200 лет, прошедших с ее окончания. Автор выделяет главные этапы «поиска истины», анализирует причины, предопределившие основные тенденции в толковании событий 1812 г. как историками-традиционалистами, предлагающими псевдопатриотические версии, так и историками-новаторами, ратующими за критические, научно обоснованные подходы. Особое значение имеет анализ отечественной историографии последних двух десятилетий, которая, учитывая методологические наработки зарубежных авторов и расширяя тематику исследований, все большее внимание уделяет антропологическому подходу, ставящему в центр исследований человека 1812 г.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Отечественная война 1812 г.; историография; политика истории; политика памяти.

Историография войны 1812 г. поистине необъятна. Однако вопреки широко распространенному мнению, будто все спорные вопросы, связанные с этой войной, уже давно исследованы

и закрыты, это далеко не так. В сущности, чем активнее обсуждаются проблемы 1812 г., тем более возникает неразрешенных и даже неразрешимых вопросов, тем чаще происходят столкновения между историками-новаторами и историками-традиционалистами, тем активнее общество и власть пытаются диктовать исследователям, как им следует «писать историю». Попробуем вкратце оценить тот путь, который историки, власть и общество прошли за двухсотлетие неустанных попыток понять суть происходивших 200 лет назад событий. Начнем с тернистого пути отечественной историографии.

Следует прежде всего напомнить, что еще в ходе войны определились две тенденции в трактовке смысла и хода событий. Первая тенденция была предопределена официальными властями и брала свое начало в сочинениях А. С. Шишкова, С. Н. Глинки, но в особенности в правительственных манифестах и воззваниях, а в дальнейшем была закреплена в сочинениях К. Ф. Толя. Она насаждала псевдопатриотические, антизападнические настроения и развивалась в значительной степени под воздействием власти, хотя и опиралась на то ощущение великой победы и чудесного спасения, которые испытали самые разные социальные группы русского общества.

Другая тенденция, духовно ей противостоящая, была представлена людьми, которых обычно принято ассоциировать с декабристским поколением. Вопреки клерикально-монархическому поношению европейцев, пришедших с Наполеоном в Россию, эти люди видели в Западе не только угрозу, но и источник свободолюбивого духа, хотя этот дух и был до известной степени поработен тираном-честолюбцем. Немало сторонников этой версии происходивших в 1812 г. событий группировалось вокруг Рейхенбахского кружка, куда входили Ф. Н. Глинка, Д. И. Ахшарумов, П. А. Чуйкевич.

К началу 20-х гг. XIX в. началась усиленная монополизация властью памяти 1812 г. К событиям войны стали относиться крайне избирательно. Победа стала трактоваться как чудесное спасение, дарованное свыше русскому народу за его благочестие.

Зримым воплощением такого рода трактовки стал храм Христа Спасителя (задуманный вначале А. Л. Витбергом в традициях «масонской» стилистики, но затем воплощенный в русско-византийском стиле архитектором К. А. Тоном). Эксплуатация властью памяти 1812 г. казалась делом чрезвычайно привлекательным. Тем более что разразившееся в 1830–1831 гг. польское восстание стало искушать прямыми аллюзиями с событиями 1812 г. 25-ю годовщину было решено отметить максимально широко. Официозно-патриархальная память о 1812 г. была окончательно канонизирована. Центром юбилейных торжеств стало Бородинское поле, куда согнали 120 тыс. солдат, изображавших исключительно русскую армию. Именно тогда и был принят сам термин «Отечественная война», что должно было символизировать единение народа под скипетром православного государя. А. И. Михайловский-Данилевский, ранее примыкавший к Рейхенбахскому кружку, теперь становится официальным историографом войны 1812 г. Та же судьба постигла и Ф. Н. Глинку. Теперь о 1812 г. следовало говорить только в сопровождении фанфар. И этот «гром победы» раздавался вплоть до крымской катастрофы. Россия попала в своего рода ловушку, западню, созданную исторической памятью. Аллюзии России рубежа 40–50-х гг. XIX в. с Россией-победительницей 1814–1815 гг. оказались слишком условными и слишком обманчивыми. Видели исключительно то, что хотели видеть. Между тем европейцы (не только французы и пьемонтцы, но и британцы) выступили на стороне Турции.

Крымская катастрофа заставила Россию начать глубокие реформы. Началось и переосмысление истории 1812 г. Вначале появляется труд М. И. Богдановича, оказавшийся до известной степени еще плодом «докрымского» восприятия, но все же отразивший новые веяния. Затем великое творение Л. Н. Толстого роман «Война и мир», оказавший гигантское воздействие на мировосприятие событий 1812 г. не только широкой общественностью, но и профессиональными историками. Вершиной нового — научнокритического подхода — к истории войны 1812 г. стали работы А. Н. Попова. Живое восприятие событий, тонкое проникновение

в психологию главных и рядовых персонажей великой драмы сочеталось у него с сугубо рационалистическим и предельно честным (в научном смысле этого слова) описанием событий. Именно А. Н. Попов, более чем кто-либо другой из историков XIX в., привлек наряду с русскими материалами документы и воспоминания противоборствующей стороны. Однако труд его, к сожалению, остался незавершенным.

Среди тех, кто на рубеже XIX–XX вв. внес немалую лепту в углубление наших знаний о 1812 г. с позиций добросовестного исследователя, следует назвать имена В. И. Харкевича, А. П. Скугаревского, К. А. Военского. Блестящую публикацию документов осуществил великий князь Николай Михайлович. Важно отметить, что чисто военная и дипломатическая тематика в эти годы была заметно потеснена сюжетами экономического и социального характера прежде всего в работах Е. В. Тарле и М. И. Семевского. Вершиной научных достижений (впрочем, до некоторой степени, спорной) этого времени стала публикация 21-томного издания документов Военно-ученого архива, а также 7-томник «Отечественная война и русское общество».

Однако на рубеже веков, особенно в начале XX в., заметно оживилась и официозно-патриархальная традиция. Влияние таких певцов «военной славы России», как Б. М. Колюбакин, Н. П. Михневич, В. А. Афанасьев, занимавших видные посты в военно-академических кругах, не очень сведущих в науках, но рьяно защищавших «славу русского оружия», оказалось чрезвычайно сильным. Юбилейные торжества 1912 г. стали для них удобным поводом для реанимации восторженного монархизма и патриотизма. Вновь, как в 1837 г., прошли помпезные торжества на Бородинском поле. Парады, фанфары, вдохновенные речи, появление десятком новых памятников и т. п. сопровождали 100-летний юбилей. Все это должно было внушить иллюзию, будто Россия начала XX в. была сильна, как никогда ранее, что она готова, как и 100 лет назад, противостать вражескому вторжению и «освободить» Европу.

Через два года после юбилейных торжеств началась Первая мировая война, и Россия стала приближаться к катастрофе...

Последствия этой войны оказались более страшными, чем крымское поражение. На этот раз Российская империя рухнула окончательно.

На протяжении 1920-х гг., в чем-то благодаря М. Н. Покровскому, тема 12-го года оказалась полузабытой, по крайней мере нево-стребованной. Но в 1930-е гг. все изменилось. В 1936 г. выходит из печати «Наполеон» Е. В. Тарле, ставший чуть ли не настольной книгой И. В. Сталина. С началом Великой Отечественной войны тема 1812 г. вообще становится центральной среди всех прочих исторических сюжетов. Е. В. Тарле пишет «Нашествие Наполеона на Россию». В 1943 г. на русском языке частично издаются мемуары А. Коленкура, обер-шталмейстера Наполеона, прошедшего с ним всю кампанию в России. Снимается фильм В. Петрова «Кутузов», получающий Сталинскую премию. Теперь тема 1812 г., благодаря прямым аллюзиям с войной против Гитлера, становится «режимной». Официозная монархическая версия образца XIX в. была фактически воскрешена, но, конечно, с известными перестановками: место Александра I теперь занял «народный герой» М. И. Кутузов. Такие авторы, как Н. Ф. Гарнич, П. А. Жилин, Л. Г. Бескровный (все как один военные), бросились, вслед за Сталиным, восхвалять Кутузова и «дубину народной войны». Юбилейный 1962-й год эту версию истории войны закрепил. Схема оказалась очень проста и доходчива: Наполеон стремился к мировому господству, но единственным препятствием на его пути оставалась Россия. На первом этапе войны из-за неподготовленности и внезапности нападения нам пришлось отступать. Однако мудрый Кутузов смог подгото-вить контрнаступление и, опираясь на всенародный подъем (чего боялся лживый и лукавый Александр I), разгромил захватчиков. Затем русская армия освободила Европу и «добила зверя в его собственном логове». Так что ситуация в плане поиска «исторической истины» оказалась предельно ясной: тот, кто посмеет замахнуться на священную память 1812 г., замахивается на священную память о Великой Отечественной войне! Особое неприятие в советской историографии вызывали «буржуазные фальсификаторы», кото-рые, впрочем, были известны нашему читателю только в более

чем вольном пересказе П. А. Жилина и Л. Г. Бескровного — авторов, которые, кстати сказать, сами иностранными языками не владели...

И все же... Даже в этот период (1950–1980-е) были и научные достижения: издан ряд сборников документов (особенно ценным было издание «М. И. Кутузов. Документы и письма»), очень осторожно был поставлен ряд неудобных вопросов. В этой связи хочется вспомнить нашего земляка, уральского историка Б. Ф. Ливчака, исследовавшего проблемы ополчения в 1812 г., в частности знаменитое Инсарское восстание. Появились в эти годы и труды, ставшие своего рода ориентирами в работе с историческими и историографическими источниками по 1812 г. (прежде всего публикации А. Г. Тартаковского).

К сожалению, история с эксплуатацией памяти о великих победах отечественного оружия повторилась и на этот раз. Парады на Красной площади, убежденность в вечности имперского величия — все это завершились в 1991 г. крахом СССР. А в следующем (1992) был «полулюбилей» войны 1812 г. Но еще за несколько лет до этого Н. А. Троицкий начал публикацию материалов, посвященных вначале Бородину, а затем и другим сюжетам войны 1812 г. В 1992 г. эта готовность обсуждать, спорить и оспаривать «дворянско-советскую» версию уже явственно заявила о себе. Журнал «Родина» провел знаменитый круглый стол. Появилась новая генерация историков 1812-го года: В. М. Безотосный, А. А. Смирнов, А. А. Васильев, Л. Л. Ивченко... Чуть позже добавилось еще несколько имен: А. И. Попов, Д. Г. Целорунго и др. Что стало отличать работы нового поколения историков? Во-первых, пристальное внимание к источникам — как архивным, так и опубликованным. Во-вторых, для них не оказалось запретных тем и ложных авторитетов, навязанных сверху. В-третьих, они все более активно стали взаимодействовать с зарубежной исторической наукой, благодаря чему в научный оборот стали интенсивно вводиться иностранные источники. Наконец, в-четвертых, на страницах исследований появились «живые» люди. Не ходульные, мифологизированные и забронзовелые, а живые, из плоти и крови,

часто не укладывающиеся в устоявшиеся схемы, со своими, как принято сейчас говорить, индивидуальными стратегиями поведения, необычностью судьбы и неожиданностью поступков.

Между тем с неизбежностью стала формироваться парадоксальная ситуация: российские историки все чаще начали создавать более убедительные образы солдат армии Наполеона (опыты О. В. Соколова, А. И. Попова, В. Н. Земцова и др.), чем своих собственных сограждан. Причин было несколько, но главная заключалась в том, что объем эпистолярного наследия, дневников и мемуаров, исходивших от европейцев, оказался неизмеримо больше отечественного. Нам, например, не известно ни одного письма, написанного солдатом или унтер-офицером русской армии. И, наоборот, в наших архивах хранятся сотни писем солдат и сержантов армии Наполеона. Пытаясь выйти из этого тупика, Д. Г. Целорунго вынужден был заняться составлением портрета «среднестатистического» русского солдата начала XIX в. Но и к этому «обобщенному» образу историк шел не менее полутора десятков лет!

Как бы то ни было, за последние 20 лет российские историки проделали гигантскую, поистине революционную работу, о которой, кстати сказать, почти неизвестно за рубежом. В 2004 г. этому поколению авторов удалось издать энциклопедию «Отечественная война 1812 г.», реализовать ряд других важных проектов.

Однако не стоит полагать, будто научное осмысление войны 1812 г. уже сегодня не встречает серьезных препятствий. Во-первых, растет мощная волна спекулятивной литературы, предлагающая «разоблачения» давно разоблаченных героев и «открытия» давно открытых сюжетов. На этой ниве особенно процветают А. В. Шишов, выпускающий в год по 10 книжек, «человек эпохи Ренессанса» Е. Н. Понасенков, разоблачитель врагов русского народа П. Н. Грюнберг, патриот-халтурщик В. М. Хлесткин... В последнее время к этой компании добавился известный антрополог из Красноярска А. М. Буровский...

Наиболее активное паразитирование на изучении 1812 г. стало наблюдаться в последние годы, в особенности после опубликования в декабре 2007 г. указа президента о праздновании 200-летия

победы. Вначале медленно, но затем все более активно зашевелилось наше чиновничество. Запахло деньгами. Еще несколько лет назад историки, составляющие научно-критическое направление, начали вынашивать идею издания к 200-летию 1812 г. достойного труда, своего рода аналога 7-томнику 100-летней давности. Однако задача оказалась практически неосуществимой. Почему? Причина одна: должна была быть проведена огромная предварительная работа по выявлению и обработке, осмыслению спорных тем. Для этого не сегодня, а позавчера нужны были средства. Коллектив был — это те, кто работал над энциклопедией 10 лет назад. Однако, несмотря на все усилия, деньги тогда не нашлись. Они «нашлись» только в самый канун юбилейных торжеств для финансирования «массовых патриотических мероприятий». Максимум, что удалось сделать в научном плане, — это издать 2-томную энциклопедию «Заграничные походы российской армии 1813–1815 гг.» (М., 2011) и 3-томную энциклопедию «Отечественная война 1812 г. и освободительный поход русской армии в 1813–1814 гг.» (М., 2012).

В сущности, две тенденции, две традиции в восприятии войны 1812 г., проявившиеся еще тогда, 200 лет назад, сохраняются и поныне. Власть продолжает цепляться за удобные для нее мифы. Но мифы бывают разные. Есть ложные мифы, деструктивные, опасные. Есть мифы конструктивные, ориентирующие на динамизм, будущее, на создание нового, «креативного» общества, которое не забывает о своем прошлом, а наоборот, обращаясь к нему, осознает всю опасность оказаться в плену у ложно понятой и ложно воспринимаемой истории.

Не менее интересна картина 200-летней истории и 200-летнего постижения войны 1812 г. за рубежом. В сущности, мы можем совершенно определенно выделить в этом плане традиции тех народов, которые принимали в войне непосредственное участие (французы, немцы, поляки, итальянцы, австрийцы и даже испанцы и португальцы), и тех, кто наблюдал за войной «со стороны» — британцев и американцев. Что касается первой группы народов, то определяющую роль здесь всегда играли и играют французы. Мы не имеем возможности подробно останавливаться

на эволюции французской историографии Русского похода Наполеона, поэтому отметим, на наш взгляд, только главное. Несмотря на все перипетии, связанные с историей Франции и особенностями развития французской исторической науки, следует признать, что национальную традицию в трактовке всех ключевых вопросов 1812 г. заложил сам Наполеон. Он сделал это как благодаря бюллетеням «Великой армии», так и последующим рассуждениям на этот счет. Несомненно, взгляд, предложенный Наполеоном (а это борьба с природой — огнем, пространством и холодом), исходил из тех ощущений, которые были характерны для французских (и не только французских) участников похода в Россию. Что же они пережили? Думается, что ряд работ французских коллег, изданных в последние годы (в первую очередь книги М. П. Рей и Ж. О. Будона), это прекрасно показали. То был эпический поход, своего рода Илиада и Одиссея. При этом период Одиссеи в особенности стал исторически знаковым для европейцев, и прежде всего для французов. Именно тогда, возвращаясь «к себе», европейцу пришлось вступить в схватку со стихией, оказаться на грани человеческого и животного.

Конечно, у других европейских народов, бывших в 1812 г. с Наполеоном, к этому общему восприятию добавлялось и добавляется нечто свое, национально-неповторимое. Для поляков это была война за возрождение Родины (вспомним хотя бы «Пана Тадеуша» А. Мицкевича), для немцев — рождение национального духа (причем сразу определились и разные варианты этого «возрождения» — от прусско-гогенцоллерновского варианта до гитлеровской идеи немецкой народной свободы и даже «пруссского социализма»), для итальянцев — важный этап кристаллизации идей и практики Рисорджименто, и т. д.

Обозначив общие характеристики национальных историографических традиций изучения 1812 г., попытаемся теперь остановиться на тех процессах, которые проявили себя в последние два десятилетия, в надежде сопоставить их с тем, что происходило и происходит в этот период у нас.

Удивительно, но поток литературы о войне 1812 г. за рубежом только нарастает. Мы наблюдаем следующие основные тенденции.

- Значительно расширилась тематика исследований, появился даже ряд работ, посвященных русской армии. Особенно следует выделить исследование британского историка Д. Ливена, переведенное на русский и изданное в 2012 г. в России («Россия против Наполеона. Борьба за Европу. 1807–1814 гг.». М., 2012).

- Более явственно стало ощущаться воздействие результатов методологических поисков второй половины XX в. (ранее господствовало мнение, наиболее ярко выраженное британцем Ч. Исдейлом, о том, что сфера изучения Наполеоновских войн — это заповедник методологического традиционализма). Наряду с использованием количественных методов (работы О. фон Пивки (псевдоним британского исследователя Д. Смита)), появились труды, написанные в русле ментальной географии (украинского историка В. Ададунова), исторической памяти и «образа другого» (польского автора А. Неуважного и французской исследовательницы русского происхождения М. Губиной), и т. д.

- Расширилась география зарубежных исследований. Ряд интересных самостоятельных работ историков А. Черпинской (Латвия), Т. Таннберга (Эстония), В. Ададунова (Украина), А. Лукашевича, И. Груцо (Беларусь). Не лишены интереса публикации грузинского историка А. Микаберидзе, живущего в США.

- Наметился рост интереса к человеку 1812 г. как таковому. Можно предположить, что нынешняя традиция «антропологического поворота» за рубежом в изучении 1812 г. берет начало с книги К. Кэйта, вышедшей впервые в Нью-Йорке в 1985 г. Кэйт был поистине космополитом: родился в США, получил диплом историка в Гарварде, изучал философию и политэкономия в Оксфорде, осел во Франции и написал несколько биографий великих французов, в т. ч. Ж. Санд и А. Сент-Экзюпери. Кроме того, он знал русский язык и использовал русскоязычные материалы. Нельзя не вспомнить и о замечательной трилогии Пола Бриттен Остина, известного британского писателя и журналиста, который пытался создать своего рода «устную историю» русского похода, т. е. дал

слово десяткам, точнее, более чем сотне мемуаристов — французов, поляков, итальянцев, русских и др. Следующей в этом ряду стала книга А. Замойского, польского аристократа, родившегося в США и работающего ныне в Лондонской школе экономики. Его книга под названием «Роковой марш Наполеона на Москву» вышла в Лондоне в 2004 г. и по достоинству была оценена на Западе и в России.

Большой интерес в плане познания «человека 1812 г.» имеют также работы британца А. Форреста и француженки Н. Петито.

Бросается в глаза, что 1812-й год все больше стал привлекать внимание беллетристов. В последние годы вышли исторические романы П. Рамбо («Шел снег»), Ж. К. Дамам («Орлы в снегах»). Наконец, Анка Мульстайн, франкоязычная писательница, родившаяся в США и специализирующаяся на исторических сюжетах, тоже обратила свои взоры на 1812 г.: в 2007 г. во Франции вышла ее книга «Наполеон в Москве» (на фр. яз.) и «Пожар Москвы» в Германии (на нем.). Каков главный пафос всех этих работ? В основном — это человек на грани жизни и смерти, человек между варварством, животным состоянием и цивилизацией.

Существует еще две важные темы, привлекающие внимание современных исследователей русской кампании Наполеона: 1. Европа (единая Европа) и Россия. Их судьба, общая или различная. 2. Место и роль региона, который сегодня называют Центрально-Восточной Европой (а точнее, судьба и «цивилизационные» контуры Центральной Европы). В последнем случае особое значение имеют работы историков Польши (А. Неуважного «Мы и Наполеон»), Д. Наврота «Литва и Наполеон в 1812 г.»), Украины (В. Адагурова и С. В. Потрашкова), Беларуси (А. М. Лукашевича и И. А. Груцо). Примыкают к ним работы историков Балтии (А. Черпинской).

Что же касается первого обозначенного нами, более глобального сюжета (Европа и Россия), то он нашел свое блестящее воплощение в работах французского историка М. П. Рей, посвященных российской истории, в особенности Александру I, и в ее последней книге «Ужасающая трагедия. Новая история Русской кампании».

И все же, несмотря на впечатляющие результаты исследовательской деятельности зарубежных историков, существуют и значительные проблемы освоения ими «пространства» 1812 г. Обозначим главные из этих проблем. Во-первых, при всем внимании зарубежных исследователей последних десятилетий к русскоязычной литературе и русским источникам, все же это выглядит пока достаточно фрагментарно. Особенно слабо знакомы зарубежные авторы с работками российских историков последних лет. Во-вторых, зарубежные исследователи слабо реализуют возможности своей документальной базы: материалы архивов вводятся медленно и очень фрагментарно. Между тем в Национальном архиве Франции, в фондах Исторической службы Министерства обороны Франции, в архивах Вены, Мюнхена и других европейских городов до сих пор невостребованными хранятся несметные сокровища. В-третьих, практика зарубежной научной деятельности (а сегодня это усиленно внедряется и у нас) требует быстрого «реального» результата. Нередко вслед за публикацией книги и окончанием срока действия гранта автор навсегда прощается с темой и переносит свои усилия на ту сферу, которая в тот момент оказывается наиболее востребованной. Но... такие великие темы, как 1812 год, ставший средоточием эпохи Наполеоновских войн (а это была поистине первая мировая война), требуют того, чтобы им посвящали всю жизнь без остатка.

Подведем итоги.

1. Отечественная традиция изучения войны находилась большей частью под влиянием и контролем властных институтов (монархическо-патриотических или советско-патриотических). Методами изучения были в лучшем случае позитивистско-традиционалистские, в худшем варианте — иллюстративно-восторженные. Человеческий аспект исследований был подчинен задаче последовательного воспроизведения заранее заданной схемы, которая, в свою очередь, покоилась на причудливом переплетении мифологем, освященных властью. С середины 1980-х гг. начался процесс быстрого расширения исследовательского инструментария,

предпринимаются попытки к постановке проблем, идущих вразрез с устоявшейся традицией. Параллельно с этим заметно усиливается тенденция к чисто спекулятивному, поверхностному воспроизведению реалий 1812 г.

2. Зарубежная традиция изучения проблем 1812 г. представлена несколькими национальными сегментами, нередко имеющими исключительно свою, неповторимую логику развития. Как правило, обращение к событиям русской кампании Наполеона оказывалось связанным с особенностями того или иного этапа национальной истории французов, немцев, поляков, итальянцев, британцев, американцев и других народов. С конца XX в. наряду с ростом разнообразия методологических подходов и «интернационализацией» тем обозначилось явное стремление к сужению источниковой базы и поверхностному, нередко беллетризированному подходу в описании событий 1812 г.

3. Назрела необходимость соединения достижений отечественной историографии, в особенности последних двух десятилетий, с методологическими и презентационными поисками зарубежных авторов, что может благотворно сказаться на изучении событий и самого смысла того, что мы называем «1812-й год».